Доступность правосудия, качество закона и развитие арбитражного процессуального законодательства

ФОКИН Евгений Анатольевич, научный сотрудник центра зарубежного законодательства и сравнительного правоведения Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

107078, Россия, г. Москва, Большой Харитоньевский пер., 22—24

E-mail: evgeniy.hse@outlook.com

Данное исследование посвящено анализу общих тенденций российского арбитражного процессуального законодательства. Характер последних поправок в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации свидетельствует о том, что российское правосудие по экономическим спорам в настоящее время находится в переходном состоянии, в поиске качественно новых институтов и норм. Для определения возможных направлений развития арбитражного процессуального законодательства избраны две сформировавшиеся в Европе концепции — доступности правосудия и качества закона, активно используемые в прецедентной практике Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ). Сопоставление изменений процессуального законодательства с данными концепциями и практикой международного суда позволили сделать вывод, что отдельные новеллы законодательства вызывают чрезмерное количество вопросов. Так, введенное в арбитражный процесс приказное производство не в полной мере соответствует идеям доступности правосудия. Особой критике в статье подвергнута попытка отказа от требования составления мотивировочной части судебного решения как в корне противоречащая практике ЕСПЧ и доктринальным воззрениям на доступность правосудия. Для определения допустимости тех или иных законодательных изменений предложен используемый ЕСПЧ метод сопоставления целей, который заключается в определении баланса целей государства (законодателя, суда) и лиц, обращающихся за судебной защитой. Также в статье дана оценка тенденциям развития арбитражного процессуального законодательства с точки зрения концепции качества закона. Сделан вывод о наличии в процессуальном законодательстве (и как следствие в судебной практике) формулировок, не соответствующих требованиям правовой определенности.

Ключевые слова: арбитражное процессуальное право, концепция доступности правосудия, концепция качества закона, реформа процессуального законодательства.

Accessibility of Justice, Quality of Law and Development of Arbitration Procedural Legislation

E. A. FOKIN, research fellow of the Center of foreign legislation and comparative law of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

22—24, Bolshoy Kharitonevsky lane, Moscow, Russia, 107078

E-mail: evgeniy.hse@outlook.com

The present research is devoted to the analysis of general trends in the Russian commercial procedural legislation. The author proceeds from the fact that the nature of the latest amendments to the Commercial Procedural Code of the Russian Federation indicates that Russian justice in the field of economic disputes is currently in a transition and aspires to formulate fundamentally new tools and norms. In order to determine possible directions of commercial procedural law development, two European concepts have been chosen: the concept of access to justice and concept of quality of law, which are regularly used in the case-law of the European Court of Human Rights. Comparison of

changes in the procedural legislation with these concepts and the practice of the international court led to the conclusion that certain legislative novelties cause an excessive number of questions. Thus, the writ proceedings introduced into the commercial process does not fully correspond to the ideas of access to justice. Particularly criticized is the idea of refusing to compose the reasoning part of the judgment in view of the discrepancy of this innovation with the case-law of the ECHR and doctrinal views on the access to justice. To determine the admissibility of any legislative changes, the ECHR's method of comparing objectives is proposed, which is to determine the balance of the objectives of the state (legislator, court) and persons seeking judicial protection. Also, the article gives the estimation of tendencies of development of commercial procedural legislation from the point of view of concept of quality of the law. It was concluded that in procedural legislation (and as a consequence in judicial practice) provisions that do not meet the requirements of legal certainty. The conclusions of the article systematize the formulated conclusions and proposals.

Keywords: commercial procedural law, the concept of access to justice, the concept of the quality of law, reform of procedural legislation.

DOI: 10.12737/art_2018_12_11

Введение. Современное арбитражное процессуальное законодательство России характеризуется стремительным и интенсивным развитием. Фактически начиная с 2009 г. в данной отрасли права и законодательства не было ни одного «спокойного» года: ежегодно в Арбитражный процессуальный кодекс РФ вносились или предлагались к внесению значительные по объему и содержанию поправки, вводящие новые институты, виды производств, инстанции и т. п. Законодательные изменения, как правило, активно привлекали и привлекают внимание как практиков, так и ученых и провоцируют бурные дискуссии (взять хотя бы упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ в 2014 г.). Вместе с тем, обобщая и систематизируя произошедшие изменения и последние законодательные инициативы, сложно усмотреть главное: в чем основное направление развития современного арбитражного процессуального права? Должно ли оно сближаться с гражданским процессуальным правом или, напротив, развивать свои самобытные черты? Какой смысл вкладывает российский законодатель в реформы АПК РФ? Очевидно, что в рамках одной научной статьи дать полный и исчерпывающий ответ на эти фундаментальные вопросы невозможно. Сложно найти его и в современных доктринальных рабо-

тах, не говоря уже о пояснительных записках к тем или иным законопроектам, вносящим изменения в АПК РФ. Настоящая статья является размышлением автора относительно соотношения российского арбитражного процессуального права с двумя сформировавшимися на европейском уровне концепциями — концепцией доступности правосудия и концепцией качества закона. Обе концепции были выработаны частично Европейским судом по правам человека (ЕСПЧ), частично — зарубежными учеными под влиянием практики ЕСПЧ. Так или иначе данные концепции активно используются Европейским судом, в том числе при рассмотрении конкретных жалоб, в которых возникает необходимость проверить на соответствие требованиям Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее — Европейская конвенция) конкретных положений процессуального законодательства или практики его применения. Поэтому рассмотрение основных тенденций развития арбитражного процессуального права через призму концепций доступности правосудия и качества закона представляется вполне полезным.

Концепция доступности правосудия. Оформление концепции доступности правосудия произошло в 1970-е гг. в рамках так называемого Флорентийского проекта, нацелен-

ного на обоснование качественно новой философии правосудия. Идейный вдохновитель проекта — итальянский профессор М. Каппеллетти исходил из необходимости изменения теоретического подхода к правосудию и праву в целом. Ученый стремился выстроить принципиально новую концепцию правосудия, в которой право получило бы реальное, а не формальное выражение. За теоретическими рассуждениями скрывалась практическая направленность: в работах М. Каппеллетти и его единомышленники скрупулезно выискивали практические барьеры и препятствия в доступе к суду и правосудию. Именно благодаря их движению (образно названному «движение за доступ к правосудию») в правовой науке произошло переосмысление многих категорий, в числе которых, например, групповые иски и право на бесплатную юридическую помощь¹. Правда, рамками процессуального права вышеупомянутый проект не ограничивался — он носил междисциплинарный характер. Это позволило обосновать, что на возможности судебной защиты фактически влияют не только юридические, но и социальные, экономические, а в чем-то и политические факторы.

Не углубляясь подробно в работы итальянского ученого, отметим, что центральное место в его рассуждениях занимала идея реального характера правосудия: доступность правосудия предполагает не только решение разных организационных и технических вопросов при обращении лица за судебной защитой, но и содержательный характер самого правосудия. Проще говоря, чтобы доступ к правосудию считать реализованным, необходимо, чтобы судебная процедура обладала всеми признаками

правосудия. Это актуально и для осмысления путей развития российского арбитражного процессуального законодательства: рассматривая ту или иную законодательную новеллу, следует оценивать, насколько данное нормативное положение соответствует признакам правосудия. К сожалению, отдельные тенденции развития современного арбитражного процессуального права нередко противостоят этой теоретической идее. Так, в 2016 г. АПК РФ был дополнен новой гл. 29¹, посвященной рассмотрению дел в порядке приказного производства. Это спровоцировало новые дискуссии относительно того, осуществляется ли в приказном производстве правосудие или нет (ранее эта дискуссия была актуальна только для гражданского процесса). На наш взгляд, наиболее обоснованной и содержательной является позиция Д. А. Туманова, согласно которой приказное производство ничего общего с правосудием не имеет². Оно лишено фундаментальных гарантий, присущих правосудию, что наталкивает на мысли об отсутствии в данном виде производства процессуальной формы. В связи с этим заявители, получающие доступ к приказному производству, доступа к правосудию не получают вовсе. Между тем по бесспорным требованиям приказное производство имеет явный приоритет: так, с 1 июля 2016 г. предусмотренный ст. 129 АПК РФ перечень оснований для возвращения искового заявления дополнен: теперь исковое заявление подлежит возвращению, если оно рассматривается в порядке приказного производства. С необходимостью введения такого основания трудно согласиться: если заявитель заинтересован в доступе к полно-

¹ Подробнее о концепции М. Каппеллетти см.: *Cappelletti M. Access to Justice and the Welfare State*. Kluwer Academic Publishers, 1981.

² См.: *Туманов Д. А.* Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 9. С. 13—20.

ценному правосудию (пусть и по спору, кажущемуся бесконфликтным), то вряд ли имеет смысл его в этом ограничивать.

Практическое развитие идей доступности правосудия состоялось во многом благодаря ЕСПЧ. Так, ни одно современное исследование проблематики доступности правосудия не обходится без ссылок на дело «Голдер против Соединенного Королевства»³, в котором доступ к правосудию был признан одним из элементов права на справедливое судебное разбирательство. В деле «Эшингдейн против Соединенного Королевства»⁴ ЕСПЧ уточнил, что право на доступ к суду не является абсолютным и может быть ограничено, однако при этом налагаемые ограничения не должны подрывать саму суть права. Вместе с тем в ходе дальнейшего развития прецедентной практики данная правовая позиция ожидаемо потребовала уточнений: какие ограничения допустимы, а какие все-таки подрывают фундаментальные правовые гарантии? В поисках ответа на этот вопрос ЕСПЧ нередко обращается к методу сопоставления целей, который подразумевает выяснение целей, преследуемых национальным законодателем при установлении ограничений, и одновременно выявление целей конкретных заявителей, столкнувшихся с данными ограничениями⁵.

³ ECtHR. *Golder v. UK*, application no. 4451/70, judgment of 21 February 1975.

⁴ ECtHR. *Ashingdane v. the United Kingdom*, application no. 8225/78, judgment of 28 May 1985.

⁵ Примеры использования данного метода можно найти в ряде дел: ECtHR. *Philis v. Greece*, 27 August 1991; ECtHR. *H. v. the United Kingdom*, application no. 8083/77, judgment of 18 October 1985; ECtHR. *Lithgow and Others v. the United Kingdom*, application no. 9006/80, 9262/81, 9263/81, 9265/81, 9266/81, 9313/81, 9405/81, judgment of 8 July 1986; ECtHR. *Kreuz v. Poland*, application no. 28249/95, judgment of 19 June 2001; ECtHR.

Применение метода сопоставления целей к изменяющимся реалиям российского арбитражного процесса наталкивает на любопытные выводы. В этом плане показательна законодательная инициатива Верховного Суда РФ по приданию мотивировочной части судебного решения факультативного характера⁶. Впоследствии данная идея стала предметом жесткой (и обоснованной) критики со стороны как ученых, так и практиков⁷. Не повторяя высказанные претензии, отметим, что фактически отмена обязательного требования мотивирования судебного решения иллюстрирует дисбаланс интересов суда и сторон. Не вызывает сомнений, что судейскому сообществу данная инициатива в целом выгодна, поскольку снижает количество и объем подлежащей выполнению работы (что особенно актуально для отдельных перегруженных судов). Но при этом законодательная инициатива не учитывает интересы сторон спора: полноценное судебное решение позволяет сторонам оценить, насколько судом были восприняты их доводы и доказательства, есть ли перспективы для обжалования и т. д. Уместно

Jankauskas v. Lithuania, application no. 59304/00, judgment of 16 December 2003.

⁶ Данная законодательная инициатива была оформлена постановлением Пленума ВС РФ от 3 октября 2017 г. № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»». URL: http://vsrf.ru/press_center/news/24022/ (дата обращения: 14.08.2018).

⁷ См., например: *Загайнова С. К.* Какие последствия будет иметь отказ от мотивировки судебных актов? // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2017. № 12. С. 35—36.

вспомнить и про постановление ЕСПЧ по делу «Хирвисаари против Финляндии»⁸, в котором международный суд подробно высказался о необходимости полноценного обоснования судебного решения и особо отметил значение подобного обоснования.

После содержательных обсуждений и под влиянием академического сообщества Верховный Суд РФ летом 2018 г. все же отказался от идеи придания мотивировочной части судебного решения необязательного характера⁹. Подобный отказ безусловно следует воспринимать в положительном ключе, однако само по себе возникновение идей пересмотра фундаментальных начал правосудия (а требование полноты судебного решения относится именно к таким началам) не может не вызывать беспокойства.

Относительно допустимости ограничений в доступе к правосудию в практике ЕСПЧ можно найти еще два любопытных момента, актуальных в контексте развития арбитражного процессуального права.

Так, в деле «Йодко против Литвы»¹⁰ ЕСПЧ высказал позицию, что в отдельных случаях от заявителя может потребоваться «значительное усердие», чтобы исполнить предусмотренные процессуальные требования национального законодательства. Нельзя не вспомнить, что арбитражный процесс является процессом профессиональных участников, обладающих в достаточной степени глубокими юридическими познаниями. В связи с этим определенные императивные требования вполне вписываются как в логику характера процесса, так и в прецедентную прак-

тику ЕСПЧ. Среди подобных требований можно вспомнить, например, п. 4 ч. 2 ст. 125 АПК РФ, обязывающий истца приводить в исковом заявлении не только ссылки на фактические обстоятельства спора, но и нормативно-правовое обоснование (в отличие от гражданского процессуального законодательства).

Наконец, установление ограничений в доступе к правосудию возможно только при условии, если законодательство одновременно предусматривает возможность эффективно и полноценно обжаловать отказ в доступе к правосудию. Так, в деле «Зылков против России»¹¹ заявитель фактически получил отказ в доступе к правосудию, так как дело подлежало рассмотрению в районном суде г. Вильнюса. Доводы заявителя о том, что положения процессуального законодательства о подсудности были применены чересчур формально, не нашли адекватного понимания в вышестоящих национальных инстанциях. ЕСПЧ нашел нарушение ст. 6 Европейской конвенции, при этом указав, что обжалование отказа в доступе к правосудию в вышестоящих инстанциях не было эффективным.

Вместе с тем, если рассматривать доступность правосудия именно как отсутствие излишних барьеров при обращении в суд и возможность их преодоления, то арбитражное процессуальное законодательство в данной части в целом сбалансировано и оптимально. Так, в конце 2016 г. АПК РФ был дополнен ст. 127¹, предусматривающей возможность отказа в принятии искового заявления (ранее аналогичная возможность была только в гражданском процессе). В силу того что подобный отказ автоматически препятствует дальнейшему движению дела в первой инстанции, он подлежит обжалованию. Правоприменительная практика содер-

⁸ ECtHR. *Hirvisaari v. Finland*, application no. 49684/99, judgment of 27 September 2001.

⁹ См.: «Процессуальная революция» прошла поправки. URL: <https://pravo.ru/news/204163/> (дата обращения: 14.08.2018).

¹⁰ ECtHR. *Jodko v. Lithuania*, application no. 39350/98, judgment of 7 September 1999.

¹¹ ECtHR. *Zylkov v. Russia*, application no. 5613/04, judgment of 21 June 2011.

жит огромное количество примеров подобного обжалования: предметом детального рассмотрения в апелляционной инстанции становится правомерность и обоснованность отказа в принятии искового заявления, а истец имеет полноценную возможность высказать по данному вопросу свою правовую позицию. Следует признать, что примеры формализма, аналогичного делу «Зылков против России», практически отсутствуют¹².

Таким образом, делая общий вывод об отражении в развивающемся арбитражном процессуальном законодательстве концепции доступности правосудия, следует признать, что она реализуется лишь частично. Приведенные примеры (расширение приказного производства, попытка отказаться от требования полноты судебного решения) показывают, что доступность правосудия (в классическом его понимании), к сожалению, вряд ли является для законодателя основополагающей ценностью.

Заметим, что российские власти уделяют проблематике доступности правосудия немалое внимание. 7 мая 2012 г. Президент РФ поручил «повысить гарантии доступности правосудия за счет усовершенствования системы размещения сведений о судебных заседаниях в сети Интернет, в том числе посредством опубликования видеозаписей судебных заседаний»¹³. Во исполнение данного поручения Правительством РФ была утверждена Федеральная целевая программа «Раз-

витие судебной системы России на 2013—2020 годы»¹⁴, согласно которой доступность правосудия предлагается обеспечивать прежде всего за счет значительного расширения информационных технологий. Например, использование видеоконференцсвязи позволяет избежать необходимости преодоления значительных по протяженности расстояний от места фактического нахождения до места проведения судебного заседания¹⁵.

В январе 2018 г. Президент РФ, выступая перед Верховным Судом РФ, отметил значительные успехи в обеспечении доступности правосудия, также связав их с информационными технологиями, а именно с возможностью подавать иски в электронной форме¹⁶.

Вместе с тем представляется очевидным, что доступность правосудия не следует отождествлять исключительно с организационными и техническими задачами и тем более с расширением информационных технологий. Вышеприведенная практика ЕСПЧ явно показывает, что доступность правосудия предполагает обеспечение содержательных характеристик правосудия (например, предотвращение излишнего формализма), а не только решение организационных задач. В связи с этим российским властям, возможно, следует скон-

¹⁴ См. постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406.

¹⁵ Задача расширения использования информационных технологий в арбитражном процессе в целом успешно решена: так, согласно ныне действующей редакции ст. 153¹ АПК РФ арбитражный суд может поручить организацию видеоконференцсвязи не только другому арбитражному суду, но и суду общей юрисдикции.

¹⁶ См.: Выступление Президента РФ на торжественном собрании, посвященном 95-летию Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56688> (дата обращения: 24.07.2018).

¹² См., например, постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 7 июня 2018 г. № 09АП-23626/2018-ГК по делу № А40-30816/18, от 5 июня 2018 г. № 09АП-23364/2018-ГК по делу № А40-21489/2018, от 12 апреля 2018 г. № 09АП-14961/2018 по делу № А40-28115/18.

¹³ Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».

центрировать усилия именно на обеспечении содержательного характера судебной деятельности, а не только на расширении информационных технологий.

Концепция качества закона и требование правовой определенности. Переосмыслению путей развития арбитражного процессуального законодательства может способствовать и концепция качества закона, а также тесно связанное с ней требование правовой определенности¹⁷. Равно как и концепция доступности правосудия, идеи качества закона получили свое развитие главным образом благодаря практике ЕСПЧ. В деле «Маркс против Бельгии»¹⁸ Европейский суд сформулировал требования к качеству национального закона, заключающиеся прежде всего в требовании правовой определенности. Фраза «предусмотрено законом» предполагает, что рассматриваемые действия властей имеют конкретное основание во внутреннем праве. Сам закон должен быть доступен для заинтересованного лица, сформулирован с достаточной степенью точности и конкретности и не должен противоречить принципу верховенства права¹⁹. Широко известно и требование доступности закона: граждане должны иметь возможность ориентироваться в содержании закона и понимать, что конкретно он от них требует²⁰. В свою очередь,

ясность закона подразумевает, что закон дает возможность лицу самостоятельно или с помощью адвоката определить последствия своего поведения²¹.

В то же время отметим, что ЕСПЧ не был первопроходцем в осмыслении вопросов качества закона. Надлежащий уровень законодательных формулировок, соблюдение баланса абстрактности и излишней конкретики, качество юридической техники беспокоили законодателя и в прежние исторические эпохи. Так, школа немецких пандектистов конца XIX в. имела целью создать полноценную правовую систему (прежде всего систему гражданского права) единого Германского государства. Безусловный авторитет для пандектистов играло римское право и именно на его основе предполагалось строить современное той эпохе гражданское право. Однако в видении практических путей законотворчества немецкие ученые разошлись. Г. Пухта в наибольшей степени продвинулся в вопросе «осовременивания» римского права и не сильно заботился о взаимосвязи немецкого права с историческими корнями²². Как отмечает А. Г. Карапетов, фактически Г. Пухта был нацелен на строительство «пирамиды правовых концепций»²³. В свою очередь, Ф. Савиньи опирался на понятие правового института, которое включало ряд правовых норм, сгруппированных вокруг одного общего для них правового явления. Система права строилась не через аккумуляцию правовых норм, а опосредованно — через систематизацию правовых институтов²⁴.

Результатом дискуссий в немецкой доктрине стало принятие Гер-

¹⁷ Отметим, что концепции качества закона и правовой определенности не тождественны, а вопрос об их соотношении является достаточно дискуссионным. Вместе с тем применительно к предмету настоящей статьи — развитию арбитражного процессуального законодательства — данные концепции рассматриваются как тесно и неразрывно взаимосвязанные.

¹⁸ ECtHR. *Marckx v. Belgium*, application no. 6833/74, judgment of 13 June 1979.

¹⁹ ECtHR. *Kruslin v. France*, application no. 11801/85, judgment of 24 April 1990.

²⁰ ECtHR. *Sunday Times v. the UK*, application no. 6538/74, judgment of 26 April 1979.

²¹ ECtHR. *Medvedev v. France*, application no. 3394/03, judgment of 29 March 2010.

²² См.: Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2011. С. 82.

²³ Там же.

²⁴ См.: Wieacker F. *A History of Private Law in Europe*. Oxford, 2003.

манского гражданского уложения 1896 г., которое действует и в настоящее время.

Для современной России проблема надлежащего качества законов является одной из наиболее острых²⁵. Весьма болезненной эта тема является и для гражданского и арбитражного процессов. Начиная с дела «Тумилович против России»²⁶ ЕСПЧ последовательно рассмотрел все модификации и модели надзорного производства в гражданском процессе. При этом, несмотря на все законодательные изменения, Европейский суд все равно признавал надзорную инстанцию неэффективным средством правовой защиты. Широко известно, например, дело «Рябых против России», в котором было обозначено несоответствие российского надзора принципу правовой определенности²⁷. Последовали и иные дела: «АО «Уралмаш» против России»²⁸, «Бердзенишвили против России»²⁹, «Анатолий Александро-

вич Денисов против России»³⁰, «Мартынец против России»³¹.

Между тем ситуация с надзорным производством в арбитражном процессе была несколько иная. В 2009 г. ЕСПЧ признал надзорную инстанцию в арбитражном процессе эффективным средством правовой защиты и не усмотрел каких-либо нарушений требования правовой определенности в порядке ее деятельности³². Арбитражный надзор действительно качественно отличался от надзора в гражданском процессе четкостью формулировок и большей согласованностью процедуры. Следует признать, что во многом это была личная заслуга В. Ф. Яковлева, который был твердо убежден, что единственной инстанцией в высшем судебном органе может быть надзорная инстанция и никаких других инстанций (в том числе так называемой второй кассации) там быть больше не может³³. Кроме того, история арбитражных судов в отличие от истории судов общей юрисдикции не знает примеров, когда надзорные инстанции функционировали не только в высшем суде, но и в нижестоящих звеньях судебной системы.

Так или иначе процедуре надзорного производства в арбитражном процессе удалось максимально приблизиться к требованиям качества закона (в данном случае процессуального) и правовой определенности. К сожалению, с 2014 г. (после

²⁵ Применительно к сфере уголовного процесса исследованиями вопросов качества закона занималась М. В. Агальцова (см.: Агальцова М. В. Автономное толкование Европейским судом по правам человека понятий «лишение свободы», «законность содержания» и «обоснованность подозрения» // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / М. В. Агальцова, А. Ю. Бушев, М. Р. Воскобитова и др. М., 2016. Вып. 2), а применительно к административному процессу — А. В. Руденко (см.: Руденко А. В. Соблюдение правовой определенности в законодательстве субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях в решениях Верховного Суда Российской Федерации // Lex Russica. 2018. № 6. С. 72—81).

²⁶ ECtHR. Tumilovich v. Russia, application no. 47033/99, decision of 22 June 1999.

²⁷ ECtHR. Ryabikh v. Russia, 52854/99, judgment of 24 July 2003.

²⁸ ECtHR. AO «Uralmash» v. Russia, 13338/03, decision of 4 September 2003.

²⁹ ECtHR. Berdzenishvili v. Russia, 31697/03, decision of 29 January 2004.

³⁰ ECtHR. Anatoliy Aleksandrovich Denisov v. Russia, 33408/03, decision of 6 May 2004.

³¹ ECtHR. Marynets v. Russia, 29612/09, decision of 5 November 2009.

³² ECtHR. Link Oil SPB v. Russia, application no. 42600/05, decision of 25 June 2009.

³³ См.: Выступление В. Ф. Яковлева на научном круглом столе «Диспозитивность норм корпоративного законодательства и пределы свободы в корпоративном праве». URL: <https://youtu.be/mO6Sn7ip6Qk> (дата обращения: 15.08.2018).

упразднения ВАС РФ) достижения по сближению надзорного производства с европейскими стандартами были фактически утрачены.

Вместе с тем в современных условиях на первый план выходит вопрос о соответствии требованиям правовой определенности так называемой второй кассации, которая в гражданском и арбитражном процессах значительных различий не имеет. Этот вопрос был разрешен в деле «Абрамян и Якубовские против России»³⁴, в котором «вторая кассация» была признана эффективным средством правовой защиты. Данная правовая позиция спровоцировала бурную дискуссию в российской науке³⁵, временами достаточно эмоциональную³⁶: основные «претензии» к правовой позиции международного органа были обусловлены фактическим характером деятельности Судебных коллегий ВС РФ и тем обстоятельством, что на практике далеко не всегда можно сделать вывод об однозначной доступности этих коллегий.

Отметим, что данным решением ЕСПЧ в вопросе эффективности российских проверочных инстанций поставил не точку, а скорее многоточие. В решении по делу «Абрамян и Якубовские против России» ЕСПЧ сделал оговорку, что в дальнейшем будет требовать строгого соблюде-

ния сроков, конкретизированных в национальном процессуальном законодательстве, и доказательств эффективного функционирования кассационного производства (п. 95). Применительно к уголовному процессу уже через год последовало решение, в котором ЕСПЧ вновь не нашел соответствия «второй кассации» требованиям правовой определенности³⁷. Таким образом, представляется, что вопрос о качестве правового регулирования проверочных производств (прежде всего в ВС РФ) по-прежнему остается открытым.

Заключение. Нами были рассмотрены две концепции: доступности правосудия и качества закона (в том числе требование правовой определенности). Они не существуют обособленно друг от друга, а тесно взаимодействуют. Актуальным представляется вывод Д. А. Туманова, сформулированный им по итогам исследования проблематики пробелов в гражданском процессуальном праве: правосудие можно будет считать действительно доступным только тогда, когда мы будем хотя бы отчасти уверены в достижении двух целей: 1) действующее законодательство в большей мере урегулировало те вопросы, которые играют важную процессуальную роль; 2) действующее законодательство, регулируя определенные процессуальные вопросы, не противоречит принципам международного права и, за рядом исключений, правовым позициям Конституционного Суда РФ³⁸.

Между тем последние тенденции развития арбитражного процессуального права не позволяют сделать однозначный вывод о достижении названных целей. Данные тенденции обладают противоречиями: в их числе настойчивость законодателя

³⁴ ECtHR. Robert Mikhaylovich Abramyan, Sergey Vladimirovich Yakubovskiy and Aleksey Vladimirovich Yakubovskiy v. Russia, application no. 59611/13, decision of 12 May 2015.

³⁵ О доктринальном восприятии правовой позиции ЕСПЧ см.: *Пацация М. Ш.* О темпоральном аспекте применения ч. 8 ст. 291⁶ АПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4. С. 12—38; *Султанов А. Р.* ЕСПЧ дал Верховному Суду РФ шанс, признав вторую кассацию в гражданском процессе // Закон. 2015. № 7. С. 127—133.

³⁶ См.: *Ковтун Н. Н.* Европейский суд по правам человека ошибся — ошибся фундаментально // Российский судья. 2016. № 8. С. 47—51.

³⁷ ECtHR. Kashlan v. Russia, application no. 60189/15, decision of 19 April 2016.

³⁸ См.: *Туманов Д. А.* Пробелы в гражданском процессуальном праве. М., 2008. С. 202.

при расширении приказного производства, которое не обладает в полной мере признаками правосудия. Сюда же можно отнести и попытку по приданию мотивировочной части судебного решения факультативного характера. Эта попытка не состоялась, однако сам факт появления подобных идей вызывает определенную тревогу. Наконец, упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ, реформирование проверочных про-

изводств в высших судебных органах также вызывают определенные вопросы, на которые ни в теории, ни на практике пока не удалось найти конкретных ответов.

Как было нами отмечено, изменения арбитражного процессуального законодательства стали ежегодным явлением. Надеемся, что дальнейшие процессуальные реформы будут проходить в более позитивном ключе.

Библиографический список

- «Процессуальная революция» прошла поправки. URL: <https://pravo.ru/news/204163>.
- Cappelletti M. Access to Justice and the Welfare State. Kluwer Academic Publishers, 1981.
- Wieacker F. A History of Private Law in Europe. Oxford, 2003.
- Агальцова М. В. Автономное толкование Европейским судом по правам человека понятий «лишение свободы», «законность содержания» и «обоснованность подозрения» // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / М. В. Агальцова, А. Ю. Бушев, М. Р. Воскобитова и др. М., 2016. Вып. 2.
- Выступление В. Ф. Яковлева на научном круглом столе «Диспозитивность норм корпоративного законодательства и пределы свободы в корпоративном праве». URL: <https://youtu.be/mO6Sn7ip6Qk>.
- Выступление Президента РФ на торжественном собрании, посвященном 95-летию Верховного Суда Российской Федерации. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56688>.
- Загайнова С. К. Какие последствия будет иметь отказ от мотивировки судебных актов? // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 12.
- Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. М., 2011.
- Ковтун Н. Н. Европейский суд по правам человека ошибся — ошибся фундаментально // Российский судья. 2016. № 8.
- Пацация М. Ш. О темпоральном аспекте применения ч. 8 ст. 291⁶ АПК РФ // Вестник гражданского процесса. 2017. № 4.
- «Процессуальная революция» прошла поправки. URL: <https://pravo.ru/news/204163>.
- Руденко А. В. Соблюдение правовой определенности в законодательстве субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях в решениях Верховного Суда Российской Федерации // Lex Russica. 2018. № 6.
- Султанов А. Р. ЕСПЧ дал Верховному Суду РФ шанс, признав вторую кассацию в гражданском процессе // Закон. 2015. № 7.
- Туманов Д. А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 9.
- Туманов Д. А. Пробелы в гражданском процессуальном праве. М., 2008.